

НАЦИОНАЛЬНОЕ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО (Lo nacional en lo individual: refranes y proverbios en las obras de L. N. Tolstoi)

Ольга Ломакина
Московский институт иностранных языков (Россия)

Olga Lomakina
Instituto de Lenguas Extranjeras de Moscú (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española N° 5 (2009), 11-20

ABSTRACT

The Russian proverbs and sayings (paremias) are examined in this article, the lexicographic sources of proverbs and sayings are named, the names of paremiologists are mentioned. As an object of research proverbs and sayings, extracted by the method of continuous selection from are chosen artistic of L.N. Tolstoy's works. Attitude of writer is marked toward a folk language. Special attention is paid to linguistic descriptions of the following characters: Matrena, Mitrich, Nikita from drama «Power of darkness», Platon Karataeff from a novel «War and piece». Paremiologic fund of artistic works of L.N. Tolstoy's Reflects anthropocentric model of the world. The thematic preferences of writer are examined at the selection of proverbs and sayings. The context use over of paremias is brought, references are given on artistic works. Proverbs and sayings, reflecting some Russian national character traits, are separately analysed. *Key words:* Proverb, saying, paremia, individual world picture, picture of the world of artistic work, linguistic personality.

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматриваются русские пословицы и поговорки (паремии), называются лексикографические источники пословиц и поговорок, перечисляются фамилии исследователей-паремиологов. В качестве объекта исследования выбраны пословицы и поговорки, извлечённые методом сплошной выборки из художественных произведений Л.Н. Толстого. Отмечается отношение писателя к народному языку. Особое внимание уделяется языковым характеристикам персонажей произведений (Матрёне, Митричу, Никите из драмы «Власть тьмы», Платону Каратаеву из романа «Война и мир»). Паремеиологический фонд художественных произведений Л.Н. Толстого отражает антропоцентрическую модель мира. Рассматриваются тематические предпочтения писателя при отборе пословиц и поговорок. Приводится контекстное употребление паремий, даются ссылки на художественные произведения. Отдельно анализируются пословицы и поговорки, отражающие некоторые черты русского национального характера. *Ключевые слова:* пословица, поговорка, паремия, индивидуальная картина мира, картины мира художественного произведения, языковая личность.

Любой язык отражает сознание народа, а лексика и фразеология запечатлевают черты национального характера и национальную ментальность. Пословицы и поговорки, будучи ретрансляторами культурной традиции в языке, содержат информацию о национальных стереотипах. Возникнув на основе народных обычаев, обрядов, истории быта, пословицы и поговорки формируют неповторимость языка.

В современной лингвистике, наряду с терминами пословица и поговорка, активно используется термин паремия. В данной статье мы будем считать эти термины равнозначными. Методологическую базу изучения пословиц и поговорок составляют не только исследования по проблемам этимологии, истории языка, языкознания, но и работы, написанные в русле молодых научных отраслей – лингвокультурологии и лингвофилософии.

Начиная с XVII в., русские пословицы становятся объектом лексикографии. Поскольку термины пословица и поговорка не исследователями разграничивались, то в словарях фиксировались различные выразительные изречения. К XIX в. относится появление словарей В.И. Даля, М.И. Михельсона, П.К. Симони, И.М. Снегирёва. Среди созданных в XX в. паремиологических словарей, наиболее известен и «вполне заслуженно отнесён современниками <...> к отечественной и мировой лексикографической классике» (Жуков 2004: 5) «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова. Современная лингвистика продолжает сбор паремий. В частности, творческий коллектив (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева) работает над составлением Нового большого словаря русских пословиц, картотека которого на сегодняшний день превосходит 47 тыс. единиц (Николаева 2008: 509). Одним из последних опубликованных лексикографических изданий является «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина. Словарные статьи представляют собой рассказ, корпус словаря – 22 тыс. пословиц, поговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок и под.

Кроме словарей, необходимо упомянуть и своды русских паремий. Обзор русских собраний пословиц и поговорок дореволюционного времени содержится в книге И.И. Иллюстрова «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» (1915), в сборнике Л.М. Жигулёва «Русские пословицы и поговорки» (1969) и своде «Русские пословицы и поговорки», составленном под редакцией В.П. Аникина (1988).

Изучению паремий, их языковым свойствам и особенностям употребления посвящались труды многих лингвистов. В последнее время исследователей интересует языковые особенности паремий, их функционирование в различных видах дискурса (Т.Г. Бочина, В.М. Мокиенко, Г.Л. Пермяков, Л.Б. Савенкова и др.), в то время как «в XIX в. основной целью изучения пословиц и поговорок было познание «духа народа» (Мокиенко 2001: 5).

Как справедливо отмечает В.М. Мокиенко в предисловии к «Словарю псковских пословиц и поговорок», «в русской книжной и литературной традиции пословицы и поговорки овеяны особым авторитетом». Активное использование паремийного фонда языка характерно для творчества писателей-классиков. Нельзя не вспомнить эпиграф к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» («Неча на зеркало пенять, коли рожа крива») или названия пьес А.Н. Островского («Свои люди – сочтемся», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется», «Старый друг лучше новых двух», «Правда хорошо, а счастье лучше»). Так, паремии становятся одним из средств

выражения авторской позиции в художественном произведении. Кроме того, при использовании паремийного фонда языка писатели нередко создают свой вариант единицы, тем самым подчиняя паремию своему языковому сознанию (Ломакина 2007а, 2007б, 2007 с).

Выбор писателем языковых единиц лексико-фразеологического уровня, в частности, пословиц и поговорок, зависит от многих причин.

В произведении художественной литературы происходит «столкновение» двух языковых личностей, двух картин мира, индивидуальной картины мира и «картины мира художественного произведения» (термин Е.П. Воронцовой). По мнению Е.П. Воронцовой, существует общая художественная картина мира, которая отражает картину мира данной исторической эпохи, состоит из индивидуальных картин мира отдельных авторов и представляет собой определенный тип реальности, преобразованной по законам искусства и обладающей своими собственными измерениями и своим собственным смыслом (Воронцова 1987: 57). На наш взгляд, нельзя не упомянуть, что художественная картина мира также включает фрагменты национальной картины мира. При переводе художественного произведения на иностранный язык именно элементы национального – фразеологизмы, в т.ч. паремии, – вызывают наибольшие трудности. Создавая тот или иной тип героя, особенно героя «из народа», писатель включает в его речь паремии.

Проиллюстрируем ряд высказанных положений примерами из масштабного творчества Л.Н. Толстого, полное собрание сочинений которого включает 90 томов (1928-1958).

В течение всей жизни Толстой обращался пословицам и поговоркам, записывал их, чтобы включать в художественные, эпистолярные и мемуарные тексты. Всего паремиологический корпус текстологии Л.Н.Толстого содержит более 1200 единиц как русских, так и иноязычных; он записывал их, чтобы включать в тексты разных жанров и стилей. Пословицы так интересовали Толстого, что у него возник замысел составить свой сборник. Записная книжка 1880 года была посвящена подготовке неосуществленного в то время плана. Позже писателем был опубликован «Календарь с пословицами на 1887 год», который включал более 200 пословиц. Впоследствии они были изданы «Посредником» под заглавием «Русские пословицы. Собрал Л. Н. Толстой».

Писатель считал, что народная мудрость, выраженная в пословицах, поговорках, легендах, сказках, рассеяна по всей России, частицы ее можно услышать от разных людей, а в целом они дополняют друг друга, выявляют суть русского народа. Не все паремии писатель включал в основной текст своих сочинений, некоторые из них так и остались в черновиках (Пословицы... 1961). Большинство паремий было заимствовано из известных Толстому словарей, о чем имеются свидетельства, в т.ч. пометы на полях словарей В.И. Даля и словаря «Русские народные пословицы и поговорки, собранные И.Снегиревым». Например, при составлении «Азбуки» (1872) и «Новой азбуки» (1875) из сборника И.М. Снегирёва писатель взял 4 пословицы, а из сборника В.И. Даля – 160 пословиц и поговорок, источник 65 пословиц не обнаружен. Незадолго до смерти Толстой выписал из книжного магазина только что напечатанный сборник «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» И.И. Иллюстрова.

Л.Н.Толстой всегда стремился к достижению единства литературного языка и народной речи. Многие годы писатель внимательно наблюдал за жизнью крестьян.

Под влиянием крестьянской реформы Толстой новыми глазами смотрит на народ, слушает речь крестьян. По свидетельству Н. Н. Страхова, в 1870-е гг. писатель «стал удивительно чувствовать красоту народного языка и каждый день делает открытия новых слов и оборотов...» (Страхов 1901: 138).

Героями народных пьес («Власть тьмы», «Плоды просвещения», «От ней все качества», «Первый винокур», «Проезжий и крестьянин») становятся выходцы из народа, поэтому вполне понятно и объяснимо, что Толстой-драматург наделяет их язык разными произведениями устного народного творчества: пословицами, поговорками, присловьями. Л.Н. Толстого можно назвать мастером речевой характеристики, необходимым компонентом которой являются паремии. Так, например, Митрича («Власть тьмы») невозможно представить без поговорки-пожелания в рот им ситного пирога с горохом, которую, по свидетельству В.Г. Черткова, писатель услышал от солдата:

Никита (крестится). И что же это в самом деле? (Бросает веревку.)

Митрич. Чего?

Никита (поднимается). Не велишь бояться людей?

Митрич. Есть чего бояться, дерьма-то. Ты их в бане-то погляди, все из одного теста, у одного потолще брюхо, а то потоньше, только и различки в них. Бона кого бояться! В рот им ситного пирога с горохом!

Никита, Митрич, Матрена (выходит из двора).

Матрена (кличет). Что, идешь, что ль?

Никита. Ох! Да и лучше так-то. Иду! (Идет ко двору) («Власть тьмы», д. 5, сц. 1, явл. 10).

Для придания реплике экспрессивного характера и с целью эмоциональной выразительности Толстой использует эту поговорку, ставшую характерной речевой деталью Митрича. Если опираться на мифологическую теорию происхождения пословиц и поговорок (А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня), то данная паремия имеет языческий характер и носит оттенок заклинания. Как отмечает В.И. Даль, Пироги бывают: с горохом, с кашею, с грибами (гороховик, крупеник, грибник), с мясом, рыбой (кулебяка) и пр. В России существовала традиция печь пироги с горохом в постные нерыбные дни. Возможно, сытный пирог с горохом был излюбленной и доступной едой крестьян и солдат пореформенной России.

Язык многих героев произведений Л.Н. Толстого изобилует паремиями. Так, языковой портрет Матрёны («Власть тьмы») складывается, в первую очередь, за счет паремий. Например: Баба с печи летит, 77 дум передумает; Бедному жениться и ночь коротка; Бежишь от волка, напхаешься на ведмедя; Бог души не вынет, сама душа не выйдет; В чужих руках ломоть велик; Все 77 уверток знаю; Деньги всему голова; Земля-матушка никому не скажет, как корова языком слижет; Ищи на орле, на правом крыле; Маремьяна старица, по всем мире печальница, а дома не евши сидят и др.

Писатель использует паремии, идейно связанные с характеристиками персонажа, с помощью пословиц и поговорок Толстой показывает систему нравственных ценностей героев, раскрывает их индивидуальные особенности. Никита («Власть тьмы»), повинувшись силе зла - власти тьмы, совершает убийство. В последних сценах драмы идея Толстого о раскаянии Никиты находит своё языковое воплощение:

пословица Коготок увяз, и всей птичке пропасть, формулирующая основную идею драмы, становится итогом произведения:

Никита. Погоди, поспеешь... (Отцу кланяется в ноги.) Батюшка родимый, прости и ты меня, окаянного! Говорил ты мне спервоначала, как я этой блудной скверной занялся, говорил ты мне: “Коготок увяз, и всей птичке пропасть”, не послушал я, пес, твоего слова, и вышло по-твоему. Прости меня Христа ради. («Власть тьмы», д. 5, сц. 2, явл. 2).

Языковую личность Платона Каратаева, одного из героев романа «Война и мир», невозможно представить без употребления паремий: «Поговорки, которые наполняли его речь, не были те, большей частью неприличные и бойкие поговорки, которые говорят солдаты, но это были те народные изречения, которые кажутся столь незначительными, взятые отдельно, и которые получают вдруг значение глубокой мудрости, когда они сказаны кстати. <...> Платон Каратаев был для всех остальных пленных самым обыкновенным солдатом; его звали соколиком или Платоша, добродушно трунили над ним, посылали его за посылками. Но для Пьера, каким он представился в первую ночь, непостижимым, круглым и вечным олицетворением духа простоты и правды, таким он и остался навсегда. Платон Каратаев ничего не знал наизусть, кроме своей молитвы. Когда он говорил свои речи, он, начиная их, казалось, не знал, чем он их кончит». («Война и мир», т. 4, ч. I, гл. XIII).

Речь Платона Каратаева насыщена пословицами и поговорками: Уговорец - делу родной братец, Без снасти и вша не убьешь, Час терпеть, а век жить, Москва, она городам мать, От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся не нашим умом, а божим судом, Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки, Какой палец ни укуси, все больно, Положи, боже, камушком, подними калачиком, Лег - свернулся, встал - встряхнулся, Солдат в отпуску - рубаха из порток, На болезнь плакаться - бог смерти не даст, Наше счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь - надулось, а вытащишь - ничего нету, Рок головы ищет, России да лету - союзу нету, Червь капусту гложет, а сам прежде того пропадает. Нередко в пределах минимального контекста, реплики героя встречается несколько паремий. Например:

«- Что ж, тебе скучно здесь? - спросил Пьер.

- Как не скучно, соколиком. Меня Платоном звать; Каратаевы прозвище, - прибавил он, видимо, с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. - Соколиком на службе прозвали. Как не скучать, соколиком! Москва, она городам мать. Как не скучать на это смотреть. Да червь капусту гложет, а сам прежде того пропадает: так-то старички говаривали, - прибавил он быстро.

- Как, как это ты сказал? - спросил Пьер.

- Я-то? - спросил Каратаев. - Я говорю: не нашим умом, а божим судом, - сказал он, думая, что повторяет сказанное. И тотчас же продолжал: - Как же у вас, барин, и вотчины есть? И дом есть? Стало быть, полная чаша! И хозяйка есть? А старики родители живы? - спрашивал он, и хотя Пьер не видел в темноте, но чувствовал, что у солдата морщились губы сдержанною улыбкой ласки в то время, как он спрашивал это. Он, видимо, был огорчен тем, что у Пьера не было родителей, в особенности матери.

- Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки! - сказал он. - Ну, а детки есть? - продолжал он спрашивать. Отрицательный ответ

Пьера опять, видимо, огорчил его, и он поспешил прибавить: - Что ж, люди молодые, еще даст бог, будут. Только бы в совете жить...

- Да теперь все равно, - невольно сказал Пьер.

- Эх, милый человек ты, - возразил Платон. - От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся. - Он уселся получше, прокашлялся, видимо приготавливаясь к длинному рассказу. - Так-то, друг мой любезный, жил я еще дома, - начал он. - Вотчина у нас богатая, земли много, хорошо живут мужики, и наш дом, слава тебе богу. Сам-сем батюшка косить выходил. Жили хорошо. Христьяне настоящие были. Случилось... - И Платон Каратаев рассказал длинную историю о том, как он поехал в чужую рощу за лесом и попался сторожу, как его секли, судили и отдали в солдаты. - Что ж соколик, - говорил он изменяющимся от улыбки голосом, - думали горе, а радость! Брату бы идти, кабы не мой грех. А у брата меньшого сам-пят ребят, - а у меня, гляди, одна солдатка осталась. Была девочка, да еще до солдатства бог прибрал. Пришел я на побывку, скажу я тебе. Гляжу - лучше прежнего живут. Животов полон двор, бабы дома, два брата на заработках. Один Михайло, меньшой, дома. Батюшка и говорит: "Мне, говорит, все детки равны: какой палец ни укуси, все больно. А кабы не Платона тогда забрили, Михайле бы идти". Позвал нас всех - веришь - поставил перед образа. Михайло, говорит, поди сюда, кланяйся ему в ноги, и ты, баба, кланяйся, и внучата кланяйтесь. Поняли? говорит. Так-то, друг мой любезный. Рок головы ищет. А мы все судим: то не хорошо, то не ладно. Наше счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь - надулось, а вытащишь - ничего нету. Так-то. - И Платон пересел на своей соломе». («Война и мир», т. 4, ч. 1, гл. XII)

Как видно из приведенного контекста, паремии, которые включает Каратаев в свою речь, органично дополняют образ человека из народа, крестьянина. Так Каратаев показывает свои жизненные ориентиры, сообразно которым поступает. Пословицы и поговорки позволяют писателю создать образ русского человека. Каратаев – патриот (Москва, она городам мать), он с христианским смирением и покорностью относится к ударам судьбы (От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся), почитает Бога (Не нашим умом, а божьим судом) и родителей (Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки).

При рассмотрении паремий, используемых Толстым в художественных произведениях, можно говорить о двойной проекции, когда писатель постулирует жизненную позицию устами своего героя. Негативное отношение к людским порокам, нарушение библейских заповедей выражается при помощи пословиц и поговорок.

В произведениях Л.Н.Толстого пьянство сопутствует грехопадению человека, потерявшего совесть, ставшего на путь порока (Катюша Маслова из романа «Воскресение»). В эпических полотнах («Анна Каренина», «Война и мир») пьянство является отрицательной характеристикой героя. В романах писатель использует паремии, показывающие ироничное отношение к пьянству: Первая рюмка – колом, вторая – соколом, а после третьей – мелкими пташечками («Анна Каренина»), Пьян да умен – два угодя в нем («Воскресение»). Рассмотрим контекстуальное употребление этих единиц:

«Только в самое первое время в Москве те странные деревенскому жителю,

непроизводительные, но неизбежные расходы, которые потребовались от него со всех сторон, поражали Левина. Но теперь он уже привык к ним. С ним случилось в этом отношении то, что, говорят, случается с пьяницами: первая рюмка - коло'м, вторая соколо'м, а после третьей - мелкими пташечками. Когда Левин разменял первую сторублевую бумажку на покупку ливрей лакею и швейцару, он невольно сообразил, что эти никому не нужные ливреи, но неизбежно необходимые, судя по тому, как удивились княгиня и Кити при намеке, что без ливреи можно обойтись, - что эти ливреи будут стоить двух летних работников, то есть около трехсот рабочих дней от святой до заговень, и каждый день тяжелой работы с раннего утра до позднего вечера, - и эта сторублевая бумажка еще шла коло'м. Но следующая, разменная на покупку провизии к обеду для родных, стоившей двадцать восемь рублей, хотя и вызвала в Левине воспоминание о том, что двадцать восемь рублей - это девять четвертей овса, который, потея и кряхтя, косили, вязали, молотили, веяли, подсеивали и насыпали, - эта следующая пошла все-таки легче. А теперь размениваемые бумажки уже давно не вызывали таких соображений и летели мелкими пташечками». («Анна Каренина», ч. 7, гл. II).

«Генерал принадлежал к типу ученых военных, полагающих возможным примирение либеральности и гуманности с своею профессиею. Но, как человек от природы умный и добрый, он очень скоро почувствовал невозможность такого примирения и, чтобы не видеть того внутреннего противоречия, в котором он постоянно находился, все больше и больше отдавался столь распространенной среди военных привычке пить много вина и так предался этой привычке, что после тридцатипятилетней военной службы сделался тем, что врачи называют алкоголиком. Он был весь пропитан вином. Ему достаточно было выпить какой-нибудь жидкости, чтобы чувствовать опьянение. Пить же вино было для него такой потребностью, без которой он не мог жить, и каждый день к вечеру он бывал совсем пьян, хотя так приспособился к этому состоянию, что не шатался и не говорил особенных глупостей. Если же он и говорил их, то он занимал такое важное, первенствующее положение, что какую бы глупость он ни сказал, ее принимали за умные речи. Только утром, именно в то время, когда Нехлюдов застал его, он был похож на разумного человека и мог понимать, что ему говорили, и более или менее успешно исполнять на деле пословицу, которую любил повторять: "Пьян да умен - два угодя в нем". Высшие власти знали, что он пьяница, но он был все-таки более образован, чем другие, - хотя и остановился в своем образовании на том месте, где его застало пьянство, - был смел, ловок, представительен, умел и в пьяном виде держать себя с тактом, и потому его назначили и держали на том видном и ответственном месте, которое он занимал». («Воскресение», ч. 3, гл. XXII).

Русскому человеку свойственны такие черты, как сострадание, отзывчивость, живость, широта души, желание отдать последнюю рубаху:

«Выслушав рассказ старика, Нехлюдов встал и пошел на то место, которое берег для него Тарас.

– Что ж, барин, садитесь. Мы мешок сюда примем, - ласково сказал, взглянув вверх, в лицо Нехлюдова, сидевший напротив Тараса садовник.

– В тесноте, да не в обиде, - сказал певучим голосом улыбающийся Тарас и, как

перышко, своими сильными руками поднял свой двухпудовый мешок и перенес его к окну. - Места много, а то и постоять можно, и под лавкой можно. Уж на что покойно. А то вздорить! - говорил он, сияя добродушием и ласковостью». («Воскресение», ч. 2, гл. XLI)

«Она нагнула голову. Она не только не сказала того, что она говорила вчера любовнику, что он ее муж, а муж лишний; она и не подумала этого. Она чувствовала всю справедливость его слов и только сказала тихо:

– Вы не можете описать мое положение хуже того, как я сама его понимаю, но зачем вы говорите все это?

– Зачем я говорю это? зачем? - продолжал он так же гневно. - Чтобы вы знали, что, так как вы не исполнили моей воли относительно соблюдения приличий, я приму меры, чтобы положение это кончилось.

– Скоро, скоро оно кончится и так, - проговорила она, и опять слезы при мысли о близкой, теперь желаемой смерти выступили ей на глаза.

– Оно кончится скорее, чем вы придумали с своим любовником! Вам нужно удовлетворение животной страсти...

– Алексей Александрович! Я не говорю, что это невеликодушно, но это непорядочно - бить лежащего.

– Да, вы только себя помните, но страдания человека, который был вашим мужем, вам не интересны. Вам все равно, что вся жизнь его рушилась, что он пеле... пеле... пелестрадал». («Анна Каренина», ч. 4, гл. IV)

Одной из национальных черт русского национального характера является двойственность. Сострадание русские нередко проявляют по отношению к чужим, а своих близких обрекают на страдания. Таков характер прототипической ситуации, лежащий в основе следующей паремии:

Аким. Облыжно, старуха, значит, на девку, тае, облыжно. Потому девка, тае, дюже хороша, дюже хороша девка, значит; жаль мне, жаль, значит, девку-то.

Матрена. Уж прямо Маремьяна старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят. Жаль девку, а сына не жаль. Навяжи ее себе на шею, да ходи с ней. Бude пустое-то говорить («Власть тьмы», д. 1, явл. 11).

Индивидуальное сознание писателя отражают варианты использования паремий. Так, например, паремия Неправда наружу выйдет в драме «Власть тьмы» употребляется вместо общеизвестной Грех наружу выйдет, а Для мила дружка семь вёрст не околица в романе «Война и мир» - вместо К милому и семь верст не околица и под.

Л.Н.Толстой использует богатейший языковой ресурс национального языка - русские пословицы и поговорки. Предпочтение той или иной паремии в текстах художественной литературы, в отличие от писем, дневников, записных книжек, где выбор языковых средств обусловлен интенциями пишущего, объясняется многофункциональностью паремий. Так, в приведенных выше контекстах пословицы и поговорки выполняют не столько прагматическую, сколько художественную, текстообразующую функцию. Важен и тот факт, что категории национального мировидения преломляются в индивидуальной интерпретации, становятся неотъемлемой чертой языка как персонажа, так и самого писателя. Несомненно, наши выводы могут касаться паремийного фонда не только родного языка, но и

других языков. В творческом арсенале большинства русских писателей XIX в. были иноязычные паремии. В любом случае, предпочтение тех или иных языковых средств, в частности - паремий, отражает особенности индивидуальной картиной мира художника слова и воссоздаёт черты национального характера.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БОЧИНА, Т. Г. (2003): Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы. Дисс. ... д-ра филол. наук. Казань.
- ВОРОНЦОВА, Е. П. (1987): Соотношение денотативной и сигнификативной информации при реализации картины мира лексико-семантическими средствами. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- ДАЛЬ, В. И. (1996): Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. Терра. Москва.
- ЖИГУЛЁВ, А. М. (1969): Русские пословицы и поговорки. Наука. Москва.
- ЖУКОВ, А. В. (2004): «В.П. Жуков – словарь: прозрения учителя». В кн.: Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума. 21-22 мая 2004 г. / Отв. ред. В.И. Макаров. Великий Новгород, с. 3 – 11.
- ЖУКОВ, В. П. (1967): Словарь русских пословиц и поговорок. Издательство «Советская энциклопедия». Москва.
- ЗИМИН, В. И. (2008): Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. АСТ-ПРЕСС. Москва.
- ИЛЛЮСТРОВ, И. И. (1915): Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Товарищество Скоропечатни А.А.Левенсон. Москва.
- ЛОМАКИНА, О. В. (2007a): «О функционировании фразеологизмов в текстологии Л.Н. Толстого». В кн.: *Język. Człowiek. Dyskurs. Szczecin*, s.111 – 117.
- ЛОМАКИНА, О. В. (2007b): «Способы раскрытия смыслового содержания фразеологизма в тексте (на примере художественных произведений и писем Л.Н. Толстого)». В кн.: Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: К 100-летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского. Материалы VII Международной конференции. Владимир, с. 171-174.
- ЛОМАКИНА, О. В. (2007c): «Эллипсис как один из способов структурно-семантических преобразований пословиц и поговорок в художественных произведениях Л. Н. Толстого: современный взгляд на языковое явление». В кн.: Активные процессы в современной лексике и фразеологии. Материалы международной конференции 8-9 июня 2007. Москва. – Ярославль, с.112 – 115.
- МОКИЕНКО, В. М. (2001): «О словаре псковских пословиц и поговорок». В кн.: Словарь псковских пословиц и поговорок. Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Норинт, - С-Пб.
- МИХЕЛЬСОН, М. И. (1997): Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: Т. 1, 2. – Терра. Москва.
- МИХЕЛЬСОН, М. И. (1997): Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Терра. Москва.
- НИКОЛАЕВА, Е. К. (2008): «Вариантность пословиц в новом большом словаре русских пословиц». В кн.: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе: Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н.,

- проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). – М., с. 509 – 512.
- Пословицы и поговорки в произведениях, дневниках и письмах Толстого (1961)
В кн.: «Лев Толстой. Лит. Наследство. Т. 69», Изд-во АН СССР, Москва. Русские
пословицы и поговорки (1988): Ред. В.П. Аникин. Художественная литература.
Москва.
- САВЕНКОВА, Л. Б. (2002): Русская паремиология: семантический и
лингвокультурологический аспекты. Изд-во Ростовского университета. Ростов-
на-Дону.
- СИМОНИ, П. (1899): Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и
проч. XVII - XIX столетий. - С-Пб.
- СНЕГИРЁВ, И. (1995): Русские народные пословицы и поговорки. Терра. Москва.
- СТРАХОВ, Н. Н. (1901): «Письмо Н.Я. Данилевскому 1879 г.», Русский вестник, кн. 1,
с. 138.